15

2016_02
ВОПРОСЫ ЭТНОМУЗЫКОЗНАНИЯ
НАУЧНОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЮБИЛЕЙНЫЕ СТРАНИЦЫ

К ЮБИЛЕЮ Т. И. КАЛУЖНИКОВОЙ

13 ——— ЛАРИСА БЕЛОГУРОВА / СВОЙ ПУТЬ ———
25 ——— ТАТЬЯНА КАЛУЖНИКОВА / МИФ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОЧИНЕНИЙ МАРГАРИТЫ КЕСАРЕВОЙ ———

Татьяна Ивановна Калужникова. 2010

Таня Калужникова в детские годы на Ставрополье. 1957

Татьяна Калужникова в год поступления в Ставропольское музыкальное училище. 1962

Аспирантка Татьяна Калужникова (первая слева)
с Ю. Н. Тюлиным, его коллегами и учениками. Начало 1970-х гг.

Т. И. Калужникова (вторая справа) с преподавателями и студентами
Уральской консерватории. Середина 1970-х гг.

В фольклорной экспедиции. 1985

За работой. 1999

С внуком Мишей —
героем «Акустического Текста
ребенка». 2004

С внучкой Асей —
еще одной информанткой.
2009

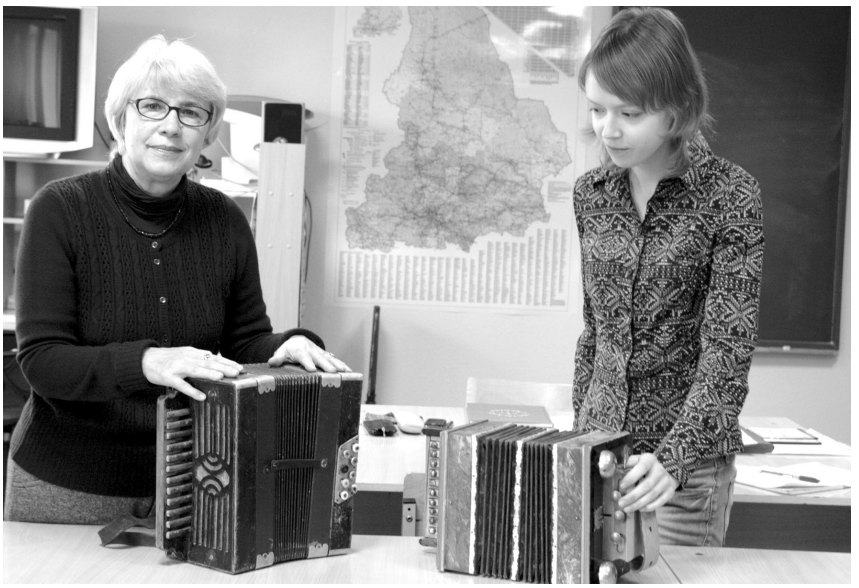
С народным музыкантом на улице Праги. 2013

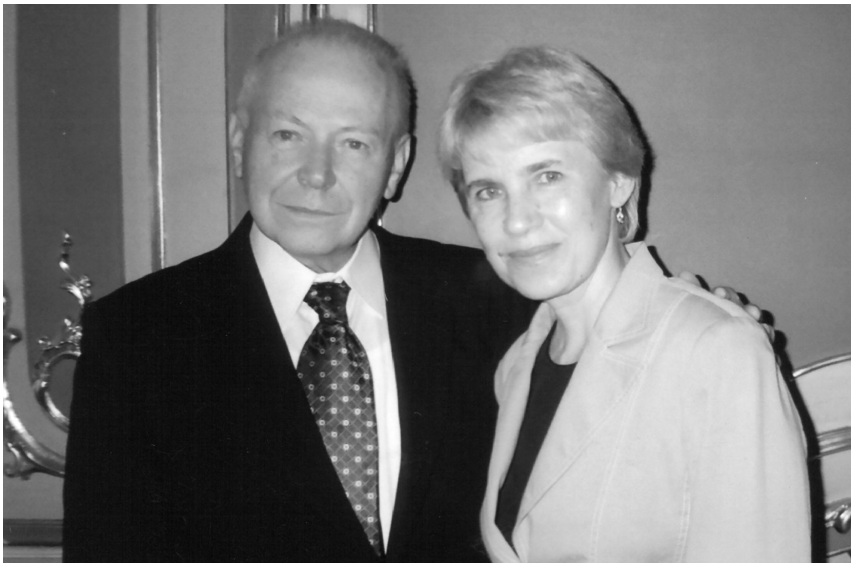
С домашним любимцем котом Фимой. 2009

Куклы — одно из увлечений Татьяны Ивановны. 2013

Т. И. Калужникова со своей аспиранткой А. Жаровой. 2009

На занятиях в кабинете народной музыки. 2014





С И. И. Земцовским на конференции в РИИИ, посвященной 70-летию ученого. 2006

Т. И. Калужникова на вручении Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова. 2014

Свой путь

Лариса Белогурова

На одну из самых красивых дат русской осени — 19 октября — в нынешнем году приходится юбилей Татьяны Ивановны Калужниковой, доктора искусствоведения, профессора Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского. «Вопросы этномузыкознания» не могут не откликнуться на это замечательное событие прежде всего потому, что юбиляр — одна из самых заметных фигур современной российской этномузыкологии. Перу Татьяны Ивановны принадлежат несколько монографий, два учебника, целый ряд музыкально-фольклорных сборников, огромное число статей[1]. Трудно представить, что все это создано одним человеком, причем живущим и работающим в Екатеринбурге — городе с большими культурными и научными традициями, но вместе с тем отнюдь не центре этномузыкологической науки.

У журнала с Татьяной Ивановной сложились особенно теплые человеческие и профессиональные отношения, ведь она не только его постоянный автор, но была первой, кто откликнулся на призыв написать в новое научное издание. Ее статья, открывавшая первый номер «Вопросов этномузыкознания» [35], воспринималась в символическом ключе: тема младенческих вокализаций как нельзя более соответствовала рождению журнала, с нее он и начал свою жизнь.

Намереваясь написать юбилейную статью о Т. И. Калужниковой, я оказалась в затруднительном положении, поскольку лично знакома с Татьяной Ивановной относительно недавно и знаю ее главным образом с профессиональной стороны. В результате представление о внешней, биографической, канве

1 См. список основных работ ученого в конце статьи.

жизни героини сложилось на основе данных некоторых уральских музыкальных сайтов. А за подробностями пришлось обратиться к самой Татьяне Ивановне — так появилось небольшое интервью. А еще к грядущему юбилею Т. И. подарила всем нам (и как это в духе Татьяны Ивановны — не ждать подарков, а раздавать их самой!) крошечную книжку «Пять прозрачных ключей» [46] — вереницу коротких рассказов с прелестными иллюстрациями. В ней зарисовки о разном: о своем детстве и детстве собственных детей, о фольклорных встречах, о событиях и эпизодах повседневного бытия, которые неожиданно рождают фольклорные ассоциации. На мой взгляд, это книжка о том, что было, наверное, самым важным в жизни. Какую нужно иметь смелость, чтобы не побояться открыть дорогое и очень личное, заветное и к тому же обратиться к замечательной русской литературной традиции мемуаров о детстве!

Из этой «источниковой базы» узнавались факты, которые несказанно удивляли. Оказалось, Т. И. южанка, родилась и выросла в Ставропольском крае. Вот уж чего невозможно было предположить! Ни тени своеобразного, в подавляющем большинстве случаев неистребимого акцента, совершенно нетипичный для юга характер — сдержанный, сосредоточенный и одновременно мягкий, «негромкий». А может, наши представления о женщинах-казачках слишком шаблонны и не учитывают возможного разнообразия?

Так или иначе, но южная степь с характерным звуковым пейзажем, в который вплетаются человеческие голоса и песни, осталась навсегда далекой «землей обетованной», имя которой — село Бешпагир, где жили бабушка и дед. Их выразительные, запоминающиеся портреты, в особенности бабушкин, есть и в «Пяти ключах», где много ярких сценок из деревенской жизни, осевших в цепкой памяти маленькой девочки.

В географическом плане жизненный путь Т. И. делится на две неравные части: короткую (детство и юность) в жарком степном Ставрополье и остальную — на холодном и суровом Урале, где наша героиня оказалась, поступив в консерваторию, а затем осталась работать. В книжке воспоминаний Т. И. упоминает свойственную переселенцам «болезнь подрезанных корней». Этот недуг не понаслышке знаком и ей самой. Помню, как в одну из первых встреч она сказала: «На Урале мне все не подходит: культура, климат... Это все не мое». Но, видимо, именно это обстоятельство — жизнь на чужбине, не покидающее чувство сиротства — сблизило Т. И. с уральцами, помогло почувствовать в них родственные души. «Возможно, “география их душ” тоже долгое время не находила созвучания в новой местности, где было что-то замкнутое, недосказанное. Наверное, им, как и мне, потребовались годы, чтобы за нелегким нравом и угрюмой внешностью этого края распознать душу серьезную, сильную, таинственную и печальную. В душе той — обреченность всех посвященных в высшую тайну, одиночество унесенных ветром с родины и тоскующих в разлуке с ней» [46, с. 92].

В недавней беседе Т. И. призналась: «Урал, уральская культура и фольклор — это что-то трудно обретенное. Но я их полюбила. Знаете, как бывает — без любви сходятся в браке, а потом понимают, что тут какое-то тепло, возникает любовь». Добавлю: такая любовь отличается глубиной и постоянством, чувством ответственности в отношениях.

Научное обращение Т. И. Калужниковой к фольклору, как часто бывает, оказалось делом случая. В начале своей работы в Свердловской консерватории Т. И. преподавала на кафедре теории, затем — истории музыки. При этом фольклорная тема время от времени возникала. Так, в 1974 году консерваторию покинул Виктор Бакке, открывший в ней двумя годами ранее отделение дирижеров народного хора. Он же организовал Кабинет народной музыки, который после его отъезда перешел в ведение Т. И., хотя, по ее признанию, она «очень сильно упиралась, не созрела тогда для этого; но формально все там сохраняла». А вот от настойчивых предложений кафедрального руководства всерьез заняться уральским фольклором, сделать его темой кандидатской диссертации упорно отказывалась. На то было много причин.

«Для меня фольклор ассоциируется с моей родиной. Он у меня в сердце. Я же выросла в фольклорной среде. Это все с детства, я в этом просто жила. Мои родственники — бабушка, ее сестра, дедушка, тети обе (мамины сестры) — они очень певучие. И в семье постоянно, в особенности когда на праздники собирались, всегда пели. Дедушка казак, поэтому звучали казачьи песни, бабушка тавричанка, там украинские корни. В общем, исполнялся характерный для этого региона казачий и крестьянский репертуар. Я это все слышала, знала с детства, и поэтому заниматься фольклором для меня было странно. Это не наука, это из области душевного».

Сегодня тогдашнюю свою позицию Т. И. расценивает как юношеское отрицание: «Фольклор был всегда со мной. Это было даже что-то обычное. А мне хотелось посмотреть в дали светлые, заняться чем-то неизвестным, таинственным». Поэтому выбрала партесное пение, окончила аспирантуру Гнесинского института у Ю. Н. Тюлина и в 1987 году защитила кандидатскую диссертацию «Интонационные основы партесного пения». Интересно, что и в 1980-х годах, и позднее эта тема рассматривалась автором в фольклорном контексте — в статьях «Роль кантовости в казачьем песенном фольклоре» [16], «Кант “Буря море раздымает” в уральских старообрядческих сборниках» [22], «Музыкально-поэтические тексты с чертами партесного стиля в устном бытовании на Урале» [32].

Между тем фольклор все время был рядом, не уходил из жизни. Летом Т. И. ездила на родину и, пока были живы родственники, записывала их пение, бабушкины рассказы, то есть фактически вела неформальную фольклористическую работу. Первая профессиональная экспедиция на территории Свердловской области состоялась в 1968 году, когда еще с двумя студентами консерватории Татьяна Ивановна оказалась в группе собирателей Уральского госуниверситета под руководством Веры Петровны Кругля-

шовой — филолога, известного специалиста по народной культуре Урала. А с середины 1970-х годов, возглавив Кабинет народной музыки в консерватории, Т. И. стала научным руководителем музыкально-фольклорных экспедиций, которые организовывала ежегодно вплоть до 2010 года.

К слову сказать, Кабинет и сегодня существует при кафедре истории музыки. Как и прежде, в нем всего одна лаборантская ставка. За прошедшие без малого полвека он превратился в серьезное хранилище регионального музыкального фольклора, в фонде которого имеются записи не только русских поселений Среднего Урала, составляющие его основу, но также образцы татарского фольклора, материалы из близлежащих областей — Курганской, Тюменской и др. Кроме того, в стенах Кабинета размещается фонд материальной культуры Урала и специализированная библиотека. Все это богатство собрано трудами его внештатного руководителя — Татьяны Ивановны Калужниковой.

Но вернемся к тому самому случаю, который изменил профессиональную судьбу нашей героини. В 1979 году в Свердловске проходила одна из конференций, организованных Фольклорной комиссией Союза композиторов РСФСР (тогда они, видимо, намеренно устраивались в самых разных городах Советского Союза, чтобы распространить музыкально-фольклористическую науку за пределы столичных центров). Приехали практически все активные молодые силы тогдашнего этномузыкознания, а вел заседания Евгений Владимирович Гиппиус. «Борислава Борисовна, Маргарита Анатольевна — все выступали блестяще», — вспоминает Т. И., а о себе говорит с иронией: «Ну и я там как-то выступала, что-то про уральскую песню. Но все это самодеятельно, несерьезно, конечно. Евгений Владимирович подозвал меня и сказал: “Вам надо заниматься фольклором. Делайте сборник”. Что-то он все-таки углядел во мне, хотя повод был совершенно недостойный. И вот тогда я задумалась».

Как не отдать должное Е. В. Гиппиусу с его уникальным даром находить необходимых науке людей! Не ошибся он и в случае с Т. И. Калужниковой. А харизма его была настолько сильна, что отказать ему, не подчиниться было просто немыслимо!

Работа над уральским сборником растянулась на много лет, а в 1985 году Гиппиус ушел из жизни, не закончив его редактирование, и завещал Б. Б. Ефименковой: «Слава, Вы Таню не бросайте». Однако с Бориславой Борисовной состоялось лишь несколько непродолжительных встреч, в основном касающихся аналитических проблем. «Ведь в то время еще не было опубликовано ни одной методологической работы, и знания о структурном подходе к анализу музыкального фольклора распространялись фольклорным способом — устно». Устойчивого, открытого общения у Т. И. с Бориславой Борисовной не получилось, скорее всего, в силу беспредельной природной скромности первой («Приезжала, задавала какие-то вопросы, понимая, как они глупы и наивны») и эмоциональной сдержанности второй («Она была настолько строгая, что я испытывала одно чувство — священного ужаса!»). Потом, в начале 1990-х,

они вновь встретились, на конференции в Рузе, и, к большому удивлению Т. И., Б. Б. попросила ее жить с ней на одной даче. «Оказалось, она хорошо ко мне относится! Сказала: “Как жаль, что Вы не в Москве!”».

Причина столь трудного начала этномузыкологической деятельности заключалась в отсутствии у молодой исследовательницы того, что называется научной школой. Годы учебы Т. И. Калужниковой в Свердловской консерватории пришлись на фольклорное безвременье — так она сама их охарактеризовала, имея в виду именно преподавание «народного творчества». Л. Л. Христиансен уже давно уехал с Урала, других специалистов не было. Одним словом, вдохновляться было и некем и нечем.

Татьяна Ивановна — самый настоящий автодидакт, человек, всему научившийся самостоятельно. Это редкое, исключительное явление в нашей науке с ее резким делением на школы и направления. «Не могу сказать, что кто-то со мной занимался. Пообщалась немного с Гиппиусом, почувствовала масштаб этой личности, поняла направление. Потом что-то малыми дозами узнавала от Бориславы Борисовны. Я ощущала себя неприкаянной, бедной родственницей. Но было в этом и что-то позитивное, потому что я не была ограничена какой-то школой, не была никому обязана, двигалась путем проб и ошибок. Как кошка, которая гуляет сама по себе, и выбирала то, что мне близко». Так недостаток обученности в сочетании с упорным, волевым характером, который трудно заподозрить за внешней мягкостью, стремлением во всем разобраться до конца оказался сильнейшим мотиватором в освоении новой и специфической области музыкальной науки. Итогом постоянной интеллектуальной работы стало формирование ученого с интересным и неординарным лицом.

Все это объясняет то уникальное положение, которое занимает Т. И. Калужникова в современном отечественном этномузыкознании. Отдавая явное предпочтение структурно-типологическому подходу при анализе фольклорных текстов, она вместе с тем воплощает в себе определенную синтезирующую позицию, обнаруживая рациональные зерна в работах ученых разных направлений. Труды Татьяны Ивановны отличает редкая эрудированность автора, осведомленного в самых разных областях гуманитарного знания, глубокая проработка имеющихся исследований по той или иной проблеме[2], а кроме этого, стремление найти точки пересечения современной этномузыкологии и академического музыковедения, вывести на новый уровень отношения между этими двумя отраслями музыкальной науки, казалось бы, давно и навсегда оторвавшиеся друг от друга и существующие как параллельные вселенные. При этом обозначенные особенности научного почерка Т. И. Калужниковой проявляются очень органично, не приводя к эклек-

2 Пожалуй, образцом идеального экскурса в историю изучения конкретной научной проблемы является введение к монографии Т. И. Калужниковой «Акустический Текст ребенка». В нем впечатляет не только полнота охваченного материала и осведомленность в литературе — старой и новейшей, отечественной и зарубежной, — но и умение видеть плодотворные идеи у авторов с противоположными, казалось бы, научными позициями, не скатываясь на уровень банальных оценок из разряда хорошо / плохо.

тичности или внутренней противоречивости исследовательского дискурса, что объясняется исключительной ответственностью автора, продуманностью личной позиции, убежденностью в целесообразности и плодотворности именно такого подхода.

Анализируя научное творчество Т. И. Калужниковой, хочется особо отметить нарастающую динамику собственно этномузыкологических исследований. Отдельную, базовую по своей значимости линию составляют сборники музыкального фольклора Среднего Урала. Первый — «“Ой вы, вздохи мои...” Народные песни и частушки Свердловской области» [4] — вышел в 1995 году, а затем, в небольшой срок до 2002 года, были изданы еще шесть. Среди них есть тома, посвященные отдельным музыкально-фольклорным жанрам русского населения горнозаводского Урала [5; 8; 10; 11], другие — локальным традициям [6; 7; 9; 12]. В совокупности эти сборники образуют едва ли не самый масштабный в отечественной музыкальной фольклористике цикл изданий, многогранно представляющих народную музыкальную культуру позднего, вторичного формирования. Автор отмечает: «Местная русская народнопесенная система формируется в конце XVI–XVIII вв. в среде первопоселенцев — выходцев из различных регионов России, в основном крестьян с европейского Севера, из центральных областей и Поволжья. Ее типовые признаки складываются на основе интеграции разнородных фольклорных привнесений путем сглаживания локальных особенностей ассимилируемых стилей и утверждения в качестве базового плана традиции закономерностей севернорусского и отдельных элементов среднерусского крестьянского песнетворчества» [9, с. 7].

Цикл уральских сборников Т. И. Калужниковой венчает опубликованная в 2013 году монография «Причитания и песни традиционной уральской свадьбы» [12], включающая более 300 образцов регионального свадебного фольклора. В отличие от предыдущих изданий, данная книга, помимо корпуса музыкально-фольклорных текстов, содержит развернутое исследование различных сторон музыкально-этнографического комплекса уральской свадьбы. Глубина проработки материала и фундаментальный характер решаемых задач выводят это исследование в ранг одного из наиболее значительных в современной российской этномузыкологии.

Свадебный обрядовый комплекс горнозаводского Урала изучается Т. И. Калужниковой с семиотических позиций: в трех главах работы рассматривается семантика, синтактика и прагматика ритуала. В первой главе реконструируется традиционная мифологическая картина мира, запечатленная в поэтических текстах свадебных плачей и песен. Анализируя различные ритуальные коды, ученый обращается и к сложнейшей проблеме семантики музыкального языка. Вторая глава посвящена выявлению структурных типов музыкально-поэтических текстов и их синтаксису в ритуале. Цель третьей главы — «Прагматика свадебных причитаний и песен» — формулируется следующим образом: «Дать ответы на вопросы: когда, где, кем и с какой целью воспроизводятся музыкальные тексты;

кому они предназначаются; какие схемы коммуникации при этом реализуются; в чем состоят функции разных фольклорных текстов в обряде; как взаимодействуют такие тексты с разными кодами действа» [12, с. 101]. Еще одна важная проблема, затрагиваемая в исследовании, связана с географией народной музыкальной культуры. Представленная в работе серия картографических проекций структурных типов свадебных песен и плачей — первая в уральском этномузыкознании, а в национальном масштабе — одна из немногих, выполненных на материале вторичных традиций.

Не умаляя ценности музыкально-фольклористических работ Татьяны Ивановны и ее огромного вклада в развитие этномузыкального ураловедения, который, к слову, дважды отмечен премией Губернатора Свердловской области «За выдающиеся достижения в области литературы и искусства» (1997 и 2013 годы)[3], а также Всероссийской литературной премией имени П. П. Бажова за 2014 год[4], следует все же признать, что это далеко не единственная, а может, и не главная сфера ее научного творчества. Центральное место в нем занимают работы, связанные со сферой «музового творчества детей» — их звукового поведения. Этой теме посвящена докторская диссертация Т. И. Калужниковой — монография «Акустический Текст ребенка» [1], исследование, аналогов которому нет ни в отечественной, ни в зарубежной науке.

Не будет преувеличением сказать, что Татьяна Ивановна стала первооткрывателем новой научной области, лежащей на пересечении биологии, психологии, этномузыкознания, других научных дисциплин. Предмет исследования здесь — становление и развитие музыкального мышления в процессе онтогенеза. Первоначальным толчком для ученого послужило житейское наблюдение — все дети поют, точнее, вокализируют, начиная буквально с младенческого возраста. Подрастая, они вокализируют во время игр, рассказывая сказки, в форме мелодических импровизаций часто реализуются и детские монологи. Именно подобные звуковые тексты, возникающие в процессе «спонтанного музицирования детей», стали объектом изучения Т. И. Калужниковой[5].

В этой книге все поражает воображение: и новаторская дерзость автора, и невероятной сложности материал и невероятной же красоты его нотировки, и постановка фундаментальных проблем общей и музыкальной психологии, в частности, тех, которые связаны «с развитием интонирования от “хаоса” к “космосу”, от музового к му-

3 За книги «Традиционный русский музыкальный календарь Среднего Урала» [5] и «Причитания и песни традиционной уральской свадьбы» [12].

4 За монографию «Уральская свадьба» [3].

5 Здесь открою читателю одну тайну, связанную опять-таки с историей создания нашего журнала. Нам хотелось, чтобы единственный в России этномузыкологический журнал имел особенный — нестандартный, современный — дизайн. И с просьбой о его оформлении обратились к известному дизайнеру Александру Васину. Еще не дав окончательного ответа, он пожелал ознакомиться с материалами, и, чтобы расположить его к новому журналу, мы послали Александру ту самую статью Т. И. о младенческих вокализациях. Любящий отец, А. Васин был растроган до глубины души, и с тех пор его всякий раз неожиданные обложки и оригинальный макет украшают каждый номер «Вопросов этномузыкознания».

зыкальному не только в онтогенезе, но и в филогенезе»[6].

Казалось бы, какое отношение подобное исследование имеет к этномузыкознанию? А ведь самое непосредственное. На защите докторской диссертации И. И. Земцовский, один из официальных оппонентов, подчеркнул, что такая работа могла быть выполнена только фольклористом. Он имел в виду не только комплексную методологию исследования, в котором задействованы определяющие для современного этномузыкознания структурно-типологический и семиотический методы, но конечно же и принципиально устную природу материала, и обусловленный этим обстоятельством такой специфический этап его изучения, как «работа в поле» — сбор материала непосредственно от его носителей.

И что это за чудесный материал! Можно сказать, он буквально вокруг нас, он рассыпан повсюду, но никому и в голову не приходило, что это может стать предметом изучения. Татьяне Ивановне было ниспослано озарение, и нам следует лишь по достоинству оценить результаты ее работы по записи спонтанного детского музицирования. Первыми «информантами» Т. И. стали ее собственные дочери, но основной массив записей был получен после рождения старшего внука. Коллекционирование «акустических текстов» вначале не имело научных целей. «Просто Миша настолько хорошо интонировал! — объясняет Т. И. — Но затем оказалось, что это материал удивительной красоты и информативности. Он меня ослепил и оглушил своим богатством! Для меня это был взрыв в работе, и по результатам — тоже взрыв».

Итогом двух десятилетий собирания детского спонтанного пения стал фонд звукозаписей из 8 городов России, в основном из Екатеринбурга. «Младенческие вокализации, монологи, игровые и неприуроченные импровизации зафиксированы в Екатеринбурге автором при содействии родителей 11 детей в возрасте от 2,5 месяцев до 7 лет. На протяжении длительного времени эти дети наблюдались индивидуально» [1, с. 17]. Работа также велась — только вообразите! — в 20 детских садах, 8 общеобразовательных школах, 3 музыкальных школах, детской художественной школе, детском санатории. Иногда автору приходилось прибегать к слуховой фиксации мелодий, в том случае, если ребенок пел в троллейбусе, на улице, в магазине [Там же].

У Татьяны Ивановны был и совершенно особый слой респондентов — дети с нарушениями психического развития. Можно представить, сколько душевных затрат требовала работа с ними в специальных клиниках! «Я возвращалась от этих детей, ставила их монологи и сидела плакала, когда расшифровывала. Это все перед моими глазами проходило... Мне важно было сравнить, какой акустический текст у этих-то детей? Вообще детский материал невероятно теплый и благодатный для души, потому что дети обладают особой энергетикой. А вот эти дети — они тоже обладают

6 Калужникова Т. И. Акустический текст ребенка (по материалам, записанным от современных российских городских детей): Автореф. дисс. ... д-ра иск. М., 2005. С. 6.

своей энергетикой, они тоже славные, и у них свой акустический текст, в чем-то отличающийся».

По мысли Т. И. Калужниковой, исследование спонтанного детского пения, помимо всего прочего, имеет огромное значение для музыкальной фольклористики: оно дает ключ к пониманию механизмов, руководящих процессами формирования музыкальной деятельности, движения от бессознательного музицирования к осознанному, от «хаоса» к «космосу». «Это безумно интересно. Там действительно начала всех начал — жанров, мелодики, ладов, тембров, обрядов. Это так увлекательно наблюдать, и оторваться я от этого не могу!»

Сразу после выхода в свет монографии «Акустический Текст ребенка» казалось, что она должна произвести эффект разорвавшейся бомбы, а у ее автора появится множество последователей. Однако этого не произошло. Сама Т. И. объясняет такое положение объективными трудностями — необходимостью долговременных наблюдений, формирования документальной базы и т. п. Думается, есть и другие причины: чтобы быть воспринятыми, всякие по-настоящему новаторские идеи должны «перевариться» научным сообществом, к ним надо приспособить собственное мышление, а это требует и времени, и напряженных усилий.

Уверена, время этой книги еще не наступило, музыкально-фольклористический мир оказался к ней еще не готов. Нет никакого сомнения в том, что в будущем появятся исследователи, которые захотят работать в этом направлении, тем более что, в отличие от «классических» этномузыкологов, документального материала у них всегда будет предостаточно.

А пока в этом поле продолжает работать сама Татьяна Ивановна. Вскоре после публикации первой «детской» монографии вышла в свет книга «Улей, полный звенящих пчел...» [2]. В ее основу положен материал, оставшийся за рамками «Акустического Текста», — документально-художественная информация о «ребенке интонирующем», источником которой стала русская автобиографическая проза XIX–XX веков. Помнится, на одном из конгрессов фольклористов в докладе Т. И. Калужниковой прозвучали слова, которые сразу же врезались в память, — «фольклор как автобиографическое событие». В этом уже иной поворот детской музыкальной темы. И еще одно запечатлевшееся определение — «фольклорный ожог». Получивший его в детстве, — говорила Т. И. и прижимала руку к груди, как бы показывая, что «обжечься» должна душа, — не может остаться равнодушным к музыке, быть духовно неразвитым существом. А на вопрос ведущего заседание, был ли такой фольклорный ожог у нее самой, ответила утвердительно: маленькой девочкой (видимо, в той самой ставропольской деревне) она попала на традиционную свадьбу, и обстановка и услышанное пение вызвали у нее чувство страха.

Этого эпизода нет в «Пяти прозрачных ключах», но вся книга, несомненно, о фольклоре как автобиографическом событии в судьбе Татьяны Ивановны: «Всё оттуда, и всё прорастает». Оттуда — то есть из детства и одновременно из фольклора. Это то, о чем

Т. И. говорит «это мое ЗАВЕТНОЕ», действительно выделяя это слово в разговоре большими буквами. Заветное — это «детская» тема, над которой, к счастью, Т. И. продолжает работать («меня туда тянет, это мое»), другое заветное — это «мое Ставрополье, то, чего у меня не случилось в науке». Очень хочется, чтобы и оно состоялось.

В какой-то из статей о Т. И. Калужниковой приводится ее фраза: «По природе своей я — созерцатель». Позволю себе не согласиться. Все, что я знаю о Татьяне Ивановне, безусловно, опровергает это определение, ибо она — персона на редкость деятельная, при этом талантливая и скромная. А ведь сколько еще осталось за рамками сказанного в этой статье! Преподавание в консерватории, где уже в течение нескольких десятилетий Т. И. читает курсы, связанные с фольклором и не только: «Народное музыкальное творчество», «История русской музыки», «Музыкальная культура народов Урала», «Методология музыковедческого исследования» и другие. Студенты ценят и любят своего педагога, достаточно почитать поздравления с юбилеем в соцсетях! Уральская тема в научном творчестве Калужниковой представлена не только фольклорным материалом, но и статьями о музыке уральских композиторов. Одна из таких работ — о творчестве Маргариты Кесаревой — публикуется в данном номере как образец оригинального научного подхода к анализу авторской музыки, в котором сочетаются музыковедческий и этномузыкологический (и шире — этнологический) аспекты, что позволяет по-новому взглянуть на избитую проблему «композитор и фольклор». А помимо этого есть еще работа в Союзе композиторов, различных обществах, секциях, советах, проектах, сценарии к фильмам, грампластинка и несколько дисков (они выпущены в качестве приложений к сборникам). Наконец, есть семья, домашние питомцы, увлечения...

Дорогая Татьяна Ивановна! Сил Вам, здоровья и тепла!

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ТАТЬЯНЫ ИВАНОВНЫ КАЛУЖНИКОВОЙ

МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ КНИГИ

1) Акустический Текст ребенка (по материалам, записанным от современных российских городских детей). Екатеринбург, 2004.

2) Улей, полный звенящих пчел. Ребенок интонирующий в воспоминаниях детства XIX — последней четверти XX вв. (по материалам русской автобиографической прозы) / Сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург, 2007.

3) Уральская свадьба. Екатеринбург, 2014.

4) Николай Михайлович Пузей. Статьи. Воспоминания / Ред.-сост. Т. И. Калужникова. Екатеринбург, 2015.

5) Пять прозрачных ключей. М., 2015.

СБОРНИКИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

6) «Ой вы, вздохи мои...» Народные песни и частушки Свердловской области: Сборник народных песен с аудиоприложением. Екатеринбург, 1995.

7) Традиционный русский музыкальный календарь Среднего Урала: Музыкально-этнографическое исследование, сборник народных песен (с аудиоприложением). Екатеринбург, 1997. (Библиотека уральского фольклора. Т. 1).

8) Песни горнозаводского Урала. М., 1997.

9) Песни уральских казаков. Екатеринбург, 1998.

10) «Как Вася-утёночек по бережку гулял...» Уральские игровые песни для детского музицирования / Сост., ред. Т. И. Калужниковой, М. А. Кесаревой и В. В. Медведева. Екатеринбург, 1998.

11) Песни старого Урала (Невьянский и Каменский районы Свердловской области) / Сост. Т. И. Калужникова, М. А. Кесарева. Екатеринбург, 2001. (Библиотека уральского фольклора. Т. 2).

12) Традиционный материнский и детский песенный фольклор русского населения Среднего Урала / Зап., нот., сост., вступ. ст., коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург, 2002. (Библиотека уральского фольклора. Т. 3).

13) Причитания и песни традиционной уральской свадьбы: Исследование, тексты, аудиоприложение. Екатеринбург, 2013.

14) Уральский вокальный фольклор в записях И. Я. Стяжкина / Подгот. материалов, сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург, 2016.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

15) Песенная традиция русского населения Среднего Урала: Учебное пособие для студентов музыкальных вузов. Екатеринбург, 2005.

16) Проявление попевочного принципа мышления в звуковысотной организации партесных произведений // Очерки по истории гармонии в русской и советской музыке: Учебное пособие для музыкальных вузов. М., 1985. Вып. 1. С. 19–33.

СТАТЬИ

17) Русские канты второй половины XVII – первой половины XVIII веков в свете идейно-стилевых тенденций своего времени // Традиции русской музыки XVII–XIX веков: Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. XXXVIII. М., 1978. С. 5–20.

18) Роль кантовости в казачьем песенном фольклоре // Фольклор Урала. Фольклор городов и поселков. Свердловск, 1982. С. 94–112.

19) Традиционная свадьба как музыкально-драматическое единство (по современным записям в пос. Билимбай Свердловской области) // Фольклор Урала. Бытование фольклора в современности (на материале экспедиций 60–80-х годов). Свердловск, 1983. (В соавторстве с В. А. Липатовым).

20) «Будьте, мои слова, крепки, лепки...» (о творчестве М. Кесаревой) // Музыкальная жизнь. 1987. № 11. С. 8–9.

21) Отсвет древней поэзии // Советская музыка. 1988. № 3. С. 33–36.

22) О первичных семантических комплексах партесного многоголосия // Современная интерпретация проблем истории и теории русской музыки XVII–XIX веков: Сб. трудов РАМ им. Гнесиных. Вып. 126. М., 1994. С. 45–62.

23) Музыкальный андеграунд Свердловска-Екатеринбурга (к проблеме смеховой культуры) // Музыка, музыкальная культура, музыканты Урала. Вып. 1. Екатеринбург, 1996. С. 104–137. (В соавторстве с А. А. Васильевой).

24) Кант «Буря море раздымает» в уральских старообрядческих сборниках // Вопросы истории культуры. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 57–67.

25) Русская песенная традиция Среднего Урала в свете народной музыкальной терминологии // Музыка устной традиции: Материалы Международных научных конференций памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 239–255. (Научные труды МГК им. П. И. Чайковского. Сб. 27).

26) «Жанровые дубли» как один из механизмов интеграции элементов русской народнопесенной системы // Проблемы современной музыкальной культуры: рубеж веков. Екатеринбург, 1999. С. 35–39.

27) Вокализации младенцев: у истоков музыкального интонирования // Музыкальная академия. 2004. № 2. С. 158–165.

28) Типы фонаций в звуковой деятельности современных российских детей // Фольклор: современность и традиция. М., 2004. С. 77–94. (Научные труды МГК им. П. И. Чайковского. Сб. 48).

29) Акустический код мифоритуального универсума телевизионной рекламы в устных рассказах детей // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика. Новосибирск, 2004. С. 146–160.

30) Атлантида Николая Пузея // Музыка в системе культуры. Вып. 2. Екатеринбург, 2005. С. 232–251.

31) Звуковые тексты, бытующие в детской среде: опыт жанровой типологии // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. М., 2008. С. 30–41.

32) Идеи К. В. Квитки о детском пении в свете современного состояния проблемы // Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии. М., 2009. С. 57–76.

33) Урбанистический звуковой пейзаж и интонационное самовыражение городского ребенка // Проблемы музыкальной науки. 2009. № 2 (5). С. 26–32.

34) Музыкально-поэтические тексты с чертами партесного стиля в устном бытовании на Урале // Экспедиционные открытия последних лет. Вып. 2. СПб., 2009. С. 119–133.

35) Фольклорный текст как «автобиографическое событие» (по материалам литературных воспоминаний о детстве XIX–XX вв.) // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Т. 1. М., 2010. С. 408–425.

36) Мир звучащий в представлениях ребенка: мифопоэтический аспект (по материалам традиционной русской культуры) // Сб. науч. статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского. Ч. 1. СПб., 2010. С. 60–74.

37) От глоссолалий к песням // Вопросы этномузыкознания. 2012. № 1. С. 8–22.

38) Музыка среднеуральской свадьбы: структурный аспект // Проблемы музыкальной науки. 2012. № 2. С. 112–117.

39) Музыкальный фольклор народов Урала как основа национально-регионального компонента высшего специального образования (из педагогического опыта Уральской государственной консерватории имени М. П. Мусоргского) // Народная традиционная культура в образовательных программах и научных исследованиях. СПб., 2013. С. 63–77. (В соавторстве с И. В. Винкевич и Л. К. Шабалиной).

40) Звукоподражания в спонтанном пении детей: семантический и прагматический аспекты // Музыка природы: звукоподражание в обряде и искусстве. СПб., 2013. С. 71–86.

41) Автобиографическая проза как материал для изучения детского интонирования // Творческие стратегии в современной музыкальной науке. Прага, 2014. С. 131–140.

42) К вопросу анализа семантики обрядовых напевов (на материале причитаний и песен среднеуральской свадьбы) // Вопросы этномузыкознания. 2014. № 2 (7). С. 90–105.

43) Монолог как звуковая составляющая творческих игр дошкольников // Проблемы музыкальной науки. 2015. № 4. С. 89–100.

44) Прагматика свадебных причитаний Среднего Урала // Традиционная культура. 2015. № 3 (59). С. 135–146.

45) Из истории музыкальной фольклористики на Урале: песни с напевами в слуховых записях И. Я. Стяжкина // Вопросы этномузыкознания. 2015. № 2. С. 6–21.

46) «Жизнемузыка» Николая Пузея // Николай Михайлович Пузей. Статьи. Воспоминания. Екатеринбург, 2015. С. 144–182.

47) Городцов А. Д.; Пузей Н. М.; Христиансен Л. Л.; Фольклор музыкальный Урала; Русский музыкальный фольклор // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

48) Кесарева М. А.; Пузей Н. М. // Энциклопедия Екатеринбурга. Екатеринбург, 2003.